

Л. П. Репина, А. К. Шабунина

**ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ИЗУЧЕНИИ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК ПОВСЕДНЕВНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ФЕНОМЕНА ГОЛОДА В ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ)**

doi: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-34-44

УДК 94(410)“18”

ББК 63.3(4Вел)52

Изучение роли социокультурных практик в повседневной жизни общества предполагает синтезирование методологических подходов с целью создания трансдисциплинарной исследовательской модели. Анализ различных аспектов частной жизни в контексте изучения социокультурных практик требует анализа ценностных категорий исследуемого общества, учета мировоззренческих интерпретаций явлений современниками, культурную аттракцию, индивидуальную самоидентификацию и психологическую перцепцию происходящих процессов. Феномен английского викторианского голода предполагает его изучение не только как строго биологического явления. В статье голод интерпретируется как социокультурное явление, рассматривается связанный с ним страх социальной стигматизации. Голод в ранневикторианский период выступает фактором концептуального контекста происходящих социальных явлений, влияющим на рецепцию культурных связей внутри общества. Категории «еда», «голод» и «голодная смерть» были повседневными спутниками общественного дискурса эпохи, отражающего кризисное состояние викторианского общества. Голод не только был фактором, усиливающим конфликтность, каковым он воспринимался в середине века, но к концу XIX в. стал осознаться властями как следствие социальных противоречий и выступал аргументом за внедрение и продолжение законодательно поддержанных форм социального компромисса. Переработав в средневикторианский период антигуманный концепт избавления от «социальных излишков» периода популярности мальтузианской философии, викторианцы меняют топологию концепта голода в системе структурно-смысловых моделей общественного диалога. Социокультурный феномен голода превращается в коммуникативном пространстве викторианской эпохи из маркера порицаемой бедности в объединяющую различные группы социальную проблему.

Ключевые слова: *трансдисциплинарность, социокультурные практики, голод, голодная смерть, бедность, история повседневности, социальная история, история Англии*

Присутствие в конце XX — начале XXI в. устойчивой тенденции к сближению естественно-научного и гуманитарного, в том числе исторического, знания не подлежит сомнению. При этом место и роль историознания в общем пространстве современной науки во многом определяется утверждением принципов интердисциплинарности и трансдисциплинарности в рамках постнеклассической научной парадигмы.

Сегодня, когда разработка инновационных стратегий изучения прошлого концентрируется в пространстве, выходящем далеко за пределы дисциплинарных границ в общей системе научного знания, теоретическая база социаль-

но-гуманитарных исследований обретает новое качество в моделях постановки и решения трансдисциплинарных проблем. Новейшие историко-теоретические исследования успешно выявляют эвристический потенциал трансдисциплинарных подходов с учетом перспектив дальнейшего развития концептуальных предложений разного уровня. В этой связи особую актуальность получает сложный процесс «состыковки» теоретических оснований, методов, исследовательских технологий и понятийно-терминологических систем взаимодействующих дисциплин, но также — не в меньшей степени — их адаптации к процедурам исторической критики и интерпретации источников.

Способы интерпретации прошлого являются определяющим фактором процесса исторического познания, и для историка теоретическое знание вкупе с практическим освоением новых стратегий и моделей исследования — базовое условие и эффективный инструмент приращения знаний о прошлом на материале исторических источников. Поиски путей

Репина Лорина Петровна — чл.-корр. РАН, профессор, г.н.с., Институт всеобщей истории РАН (г. Москва)
E-mail: lorinarepina@yandex.ru

Шабунина Анастасия Константиновна — к.и.н., н.с., Институт всеобщей истории РАН (г. Москва)
E-mail: shabunina@bk.ru

оптимизации аналитических моделей, новые разработки эпистемологического и методологического характера позволяют акцентировать в историческом прошлом ранее не находившиеся в центре внимания явления и события, выявлять их связи и взаимодействия. Трансдисциплинарная эпистемология способна помочь и в разработке способов практической комбинации и взаимной коррекции микро- и макроаналитической перспектив в конкретных исторических исследованиях.

Теоретическая трансдисциплинарная модель исследования повседневно-бытовых практик может быть построена на основе подбора и иерархизации прежнего традиционного инструментального набора, созданного для задач конкретного исследования с учетом специфики источниковой базы и феноменологических характеристик самого объекта исследования. Такая методологическая модель будет представлять собой «высшую ступень»¹ реализации кросс-дисциплинарного подхода. Вместе с тем выдвижение единой исследовательской модели предполагает использование общего концептуального категориального аппарата и интеграцию конкурентных подходов для комплексного решения исследовательской задачи.

Описанная тактика создания исследовательской парадигмы для конкретного исторического исследования, с одной стороны, приводит к размыванию границ между отдельными областями научного знания, с другой стороны, может породить конфликт методологических интерпретаций рассматриваемых событий. Выходом здесь может служить научно-методологическая диффузия в рамках синтезирования «нового общего». Интегрированная модель может иметь как однородный, так и асимметричный характер. В первом случае модель строится на основе структуризации набора отдельных методов, в которых ни один не является доминирующим. Создается поле однородной выборки (первое синтезирование) исследовательских инструментов, оказывающих — каждый в своем сегменте — пропорциональное к другим методам влияние, что позволяет рассмотреть изучаемый исторический процесс, как и отдельное событие, через многофакторную методологическую призму. В таком случае полученные результаты каждой отдельной исследовательской операции создают своеобразный калейдоскоп

выводов, теоретическое осмысление которого также будет требовать синтезирования (второе синтезирование) для аргументации и представления единого исследовательского результата. Однако такая одномерность является скорее идеальным случаем построения исследовательской модели. Уже на этапе знакомства с корпусом исторических источников по заданной теме становится очевидным, что одномерное применение методов зачастую оказывается невозможным из-за специфики подобранных источников. Для отдельно взятой исследовательской задачи рациональнее использовать какой-то один доминантный метод или подход, тогда как другие выбранные методы будут выступать скорее его спутниками, корректирующими общую траекторию движения системы. Однако эту ситуацию нельзя представить как иерархию и соподчинение методов, выделяя часть из них как вспомогательные и менее значимые. Трансдисциплинарность здесь предполагает использование именно системной модели, где множество элементов создают единство и определенную целостность структуры. Происходит интеграция разноразмерных методологических элементов в единую асимметричную исследовательскую структуру, предлагающую обобщенный результат, отвечающий на заданный историком познавательный запрос.

Современная историография, в той мере, в какой она освоила эпистемологические последствия антропологического и прагматического поворотов, связывает качественное разнообразие социальных процессов с деятельностью исторических агентов, их культурными стереотипами, множественными идентичностями, мотивами и интересами. В прагматической эпистемологии, основанной на трансдисциплинарном способе проблематизации разнообразных социокультурных практик, в поле внимания оказываются формирование, функционирование и трансформация стереотипов и ценностей, задающих те социальные нормы, которые определяют образ мыслей и поведение людей, в контексте связанных с ними и породивших их социальных практик, при воспроизведении которых фиксируются и заново определяются социальные границы, взаимоотношения и взаимозависимости. Нормативно предписанные, социально контролируемые и регулируемые поведенческие модели, рутинизируясь, становятся нормальными повседневными практиками, которые выступают манифестацией традиции или обычая, образа

¹ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 27.

жизни внутри той или иной культуры.² В подобных практиках воспроизводятся культурные стереотипы, поддерживаются и заново определяются границы допустимого, приемлемого и одобряемого в пределах сообщества. В социальной психологии важное место занимает обсуждение вопроса о различиях, соотношении и взаимосвязи между культурными практиками (нормами) и культурными ценностями, которые в процессе воспроизведения могут пережить рационализацию и трансформацию с адаптацией к изменениям в системе ценностей, порождая новые дисциплинирующие нормы. Особый интерес в этом плане представляют повседневные социокультурные практики Нового времени.

Необходимость конструирования трансдисциплинарных теоретических моделей остро ощущается в точках пересечения социокультурных и культурно-бытовых практик, которые уже сами по себе являются полидисциплинарными построениями прошлых поколений историков. Отвечая на вопрос о месте трансдисциплинарных моделей исторических исследований в конструировании эпистемологических областей, необходимо учесть определение М. Фуко исторического человека как «человека, который живет, трудится и говорит, поскольку всякое содержание истории отправляется от психологии, социологии, наук о языке. И наоборот, поскольку человеческое существо становится насквозь историческим, никакое анализируемое гуманитарными науками содержание не может оставаться замкнутым в себе, избегая движение Истории... Таким образом, история образует среду гуманитарных наук».³ Изучение социокультурного поля во всем его многообразии требует привлечения всего концептуального арсенала современной науки.

Изучение аспектов частной жизни в контексте социокультурного подхода выдвигает на передний план задачу переосмысления опыта социальных историков и историков ментальностей с включением в него на текущем витке развития науки результатов изучения ментальностей, эмоций, поведенческих императивов, личностной субъективности и самоидентификации, корни которых могли уходить в социальные традиции и культурные практики отдаленного прошлого.

Применительно к изучению голода в викторианскую эпоху может быть сконструирована исследовательская трансдисциплинарная модель, в которой на передний план выдвигаются культурные и психологические факторы восприятия голода, а также их влияние на повседневные социальные практики и сложную динамику социальных процессов в английском обществе XIX в.

На территории Англии в исследуемый период не фиксируются случаи массового голода как явления, присутствующего на всей территории и в каждой социальной группе. Согласно общепринятой в британской историографии точке зрения, последний массовый голод Южная Англия пережила в 1590-е гг., Северная Англия — в 1620-е гг. В викторианский период (1837–1901) голод необходимо интерпретировать не столько как социальное бедствие наравне с эпидемиями, катаклизмами и бедствиями различной этиологии, сколько как социокультурный феномен, вызванный нехваткой продовольствия и его дороговизной для ряда социальных групп. Вместе с тем голод оставался источником опасений и элементом устрашения англичан, был широко описан в социальных романах и присутствовал в межклассовом диалоге. Идея голода влияла на трансформацию культурно-бытовых практик и формирование критериев оценки социальной действительности. Данные условия помещают вопрос изучения голода, широко описанного в газетах и литературном наследии эпохи, в поле изучения практик повседневности и социокультурных ориентаций, а также значимых сдвигов в общественном сознании и публичном дискурсе рассматриваемого периода. Вместе с тем результаты исследований голода в Англии в ракурсе экономической и традиционной бытовой истории (изучение рациона, питания, фальсификации продуктов и т. д.) формируют специфичные остовы границ, в рамках которых осуществляется исследование пространства восприятия викторианца.

В начале XIX в. продовольственная безопасность Великобритании была поставлена под угрозу: война с наполеоновской Францией и связанная с ней континентальная блокада значительно ограничили возможность импорта зерна. В результате, несмотря на относительное сохранение смертности на уровне 1790-х гг., сложившаяся к первой трети XIX в. ситуация свидетельствует об актуализации роли голода и связанных с ним бедствий

² См.: Frese M. Cultural Practices, Norms, and Values // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2015. Vol. 46, iss. 10. P. 1327–1330.

³ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 385–389.

в понимании социальных и демографических процессов среди правящей элиты. Историк С. Гриффин подчеркивает, что голодная смерть оставалась постоянной угрозой в конце XVIII и XIX в., «и хотя народы Англии находились вне разорительного биологического голода, они были далеко не свободны от страхов, связанных с голодом и его последствиями, как и самой угрозой голода».⁴ К 1840-м гг. в английском обществе формируется парадоксальная ситуация, согласно которой ведущим для протестных настроений в обществе, связанных с недоеданием, становится не сам голод, дороговизна продуктов или их ограниченность на рынке, а социокультурные и психологические ориентации, связанные со страхом. Причем данные опасения среди властной элиты были переплетены со страхом перед революциями и бунтами, сотрясавшими континентальную Европу в конце XVIII — XIX в. Еще со времен Мидлендского восстания 1607 г. и вышедшего после него эссе Ф. Бэкона «О волнениях и неприятностях», где анализировались причины бунтов, в среде политической элиты утвердилась установка, что «худшее восстание — это восстание живота»,⁵ что в условиях социального кризиса викторианской Англии переводит вопрос продовольственного снабжения на уровень конфликтного фактора, триггера возможных революционных протестов.

В данном контексте голод необходимо рассматривать как часть социокультурного ландшафта викторианского общества, его характерную черту и фактор, влияющий на остроту социального конфликта и уровни радикализации различных групп. И если ситуация массового голода, прецеденты которого могут быть зафиксированы в исследуемый период вне метрополии, могла оказать заметное влияние на политическую, экономическую и социальную сферу государства в *определенный* хронологическими рамками данного явления *период*, позже оставшись в памяти, то голод как социокультурное явление остается *постоянно действующим фактором*. Он, в той или иной степени усиливаясь в зависимости от социальной ситуации прямо не связанной с питанием, оказывал влияние на мировоззренческие установки, повседневные поведенческие импера-

тивы, психологическое восприятие бедности и нищеты, окружавшей англичанина в условиях системного социального кризиса — негативных последствий промышленной революции.

Отсутствие прямой связи между недоеданием и уровнем радикализма в обществе коррелирует с тезисом британского историка Э. П. Томпсона, согласно которому выбор социального поведения может быть объяснен обычаями и культурой, которые на основе исторического опыта прошлых поколений формировали специфичную модель оценивания социальных процессов. При наличии первичного стимула «дистресса» поведение направляется на выполнение более сложной, культурно опосредованной функции. Э. П. Томпсон утверждал, что почти в каждом выступлении толпы XVIII в. «можно обнаружить некое узаконивающее понятие», подразумевая под понятием легитимации, «что мужчины и женщины из толпы искренне верили в то, что они защищают традиционные права или обычаи; и, в целом, что они поддерживаются более широким консенсусом сообщества». Таким образом, протест был основан на традиционном взгляде на социальные нормы и обязательства сторон.⁶

Голод среди бедняков в целом повышал радикализацию общества, однако на количество протестных выступлений и степень их радикализации большее влияние оказывало ценностное восприятие недоедающих со стороны общества и различные интерпретации этой оценки. Социальные проблемы еды и голода воспринимались современниками в рамках реализуемых культурных и социокультурных практик.

Отношение к обществу как к единой культурной среде требовало от викторианцев реализации равностороннего диалога между властной элитой и бедняками, что в восприятии бедняков требовало проявления в вопросе продовольственного обеспечения патерналистских действий от элитарных слоев общества и следования принципам *moral esopoty*. Ситуация недоедания и голода вызвала протест не сама по себе, а как выраженная форма нарушения договора власти и демоса, который, в свою очередь, обеспечивал социальный мир и спокойствие в обществе. К началу викторианского периода начинает формироваться новый дискурс рабочего —

⁴ Griffin C. J. The Politics of Hunger: Protest, Poverty and Policy in England, c. 1750 — c. 1840. Manchester, 2020. P. 3.

⁵ Bacon F. The Works of Francis Bacon, Baron of Verulam, Viscount St. Alban, and Lord High Chancellor of England. London, 1826. P. 277.

⁶ Thompson E. P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past & Present. 1971. Vol. 50, iss. 1. P. 78, 79.

«голодный работник». Увеличение темпов урбанизации способствовало привлечению внимания моралистов к тем поведенческим особенностям городских рабочих, в которых видели причину бедности и голода, считалось, что лень и пороки социального дна городских трущоб вызывали нищету. Перенос локуса внимания в пространство города, снабжаемого извне продовольствием, дал деятелям искусства определенную свободу в репрезентации сельской местности и ее жителей. Сельскохозяйственные рабочие изображались как трудолюбивые, целомудренные, трезвые люди, занятые трудовой деятельностью, но внешне изможденные и худые.⁷ Искусствовед Дж. Баррелл приходит к выводу, что изображение трудолюбивых работников было необходимо для формирования позитивного образа англичанина и утверждения в сознании викторианцев британской идентичности, связанной с трудолюбием, несмотря на тяготы жизни,⁸ что было необходимо в разрезе формирования не только общественного мнения внутри страны, но и образа британца за границами метрополии. Дихотомия образов «голодающий работающий» и «порицаемый голодающий» формировала противоречие в восприятии рабочих и рецепции голода. В городской низовой культуре формируется страх голода, который не был выражением исключительно страха перед смертью или болезнями, повторяемость и частота которых в викторианскую эпоху были угрожающими, но в восприятии сглаженными адаптационными функциями психики. Страх голода — явление социокультурное, связанное с порицанием, неприятием общества и отчуждением, страх, который утверждался и развивался на фоне недоедания, скудного рациона рабочих и прецедентов голодной смерти.

Викторианский рабочий находился одновременно под влиянием биологического и социального страха, сформировавшегося на пересечении мировоззренческой дихотомии «еда–голод» и связанного с ней культурно-психологического фона социальных процессов. Типичную аргументацию в ситуации обсуждения заготовки продуктов на зиму представляет региональная газета Саффолка, транслируя страхи рядовых британцев: «...невыносимая боль перед следующей зимой, и не боитесь ли вы, что единственный выбор, который останет-

ся у вас, будет выбор между голоданием и работным домом!»⁹ Аналогичные опасения в это же время выражает столичная газета: «...наш конец будет заключаться в поиске убежища в работном доме, в безжалостном месте».¹⁰ Параллельно со случаями голода нередко были сообщения о самоубийствах, связанных с голодом. Однако причиной такого крайнего выбора становился не страх голода, а то, что социум мог узнать и негативно оценить бедняка, перенося характерные признаки социальных пороков на паупера, чья собственная идентичность была вписана в концепт «моральной чистоты». Бедняк, не желая принять социальную помощь через систему работных домов и, как следствие, быть порицаемым, находился под гнетом общественной морали и культурных паттернов и выбирал совершенно иной путь, нежели работный дом, на что указывают упоминания в газетах полярной социальной направленности, встречающиеся на протяжении всего рассматриваемого периода: «изможденный голодом мужчина был доставлен по обвинению в попытке самоубийства»¹¹ (1852 г.), «голод навел ее на мысли о самоубийстве»¹² (1859 г.), «требуется найти ежедневные записи расследований случаев самоубийства из-за нужды, недоедания или из-за терпеливого, мучительного голода»¹³ (1869 г.), «предполагаемое самоубийство из-за голода»¹⁴ (1873 г.), «выбрал самоубийство вместо голода»¹⁵ (1889 г.) и т. д. Такие сообщения газет подтверждают, что страх голода не был сходен со страхом смерти, страх голода вызывался ассоциацией с нищетой, которая как явление шла вразрез с одобряемым викторианской социальной моралью образом честного и благонадежного человека.

Не только ситуация крайней нужды могла довести бедняка до самоубийства — сама угроза голода и недоедания могла привести к печальным последствиям, о чем свидетельствуют сохранившиеся в Национальном архиве (TNA, г. Кью) фрагменты дела-расследования смерти Джеймса Найта из Торнкомба конца 1830-х гг., содержащие в себе следующее:

«Джон Найт, сын покойного, очень подробно описывает, как он нашел тело своего отца, и выяснил, как он умер. В последнее время его

⁷ См.: Barrell J. *Sportive labour: The farmworker in eighteenth-century poetry and painting*. Cambridge, 1992. P. 107.

⁸ См.: Ibid. P. 126.

⁹ Bury and Norwich Post. 1849. Dec. 25.

¹⁰ Bell's Weekly Messenger. 1849. Dec. 24.

¹¹ Weekly Chronicle. 1852. Sept. 25.

¹² London City Press. 1859. Aug. 27.

¹³ Bee-Hive. 1869. Dec. 11.

¹⁴ Stamford Mercury. 1869. Oct. 10.

¹⁵ South London Press. 1889. Dec. 30.

отец работал не кузнецом, чем он занимался всю жизнь, а прополкой для мистера Фаулера, зарабатывая от 3 до 3 шиллингов 6 пенсов в неделю... Он никогда не знал вкуса сыра, масла, бекона или молока, но питался сухим хлебом, картофелем и водой. Он никогда не просил помощи. Когда не работал, он делал веники на продажу. Его отец поехал в Аксминстер в прошлый четверг, потерпел неудачу в попытках найти работу, и решил просить попечительский совет о дополнительной помощи, но безуспешно. В пятницу его норма помощи хлебом была уменьшена с двух буханок до одной...

Документ 1. Печатный буклет, адресованный жителям Лайм-Реджиса и Чармута от 10 июля 1837 года, выпущенный Гарри Бернардом Фарнеллом и Джеймсом Эдвардсом, защитниками бедных, и напечатанный Главной типографией Данстера в Лайме. В уведомлении сказано, что в работном доме нет заключения в подземелье, голода или других страшных наказаний... Мясо едят трижды в неделю. Ведется постоянный прием медика. Детей одевают, кормят и воспитывают.

Бумага 2. Статья Джозефа Индджа, издателя "Таймс", адресованная жителям Лайм-Реджиса и Чармута, описывающая смерть 68-летнего Джеймса Найта из Торнкомба, который повесился 17 июня, в день, когда помощь ему уменьшилась на одну буханку хлеба. Найт не работал две недели. Арендная плата составляла 1 шилл. 3 пенса в неделю. Он был очень расстроен, когда его пособие было сокращено с 1 шилл. 6 пенсов и двух буханок хлеба до 1 шилл. 6 пенсов и одной буханки...

Документ 3. Листовка для жителей Лайм-Реджиса и Чармута, написанная Х. Тренчардом, опекуном бедняков прихода Торнкомб, от 11 июля, напечатанная генеральной типографией Ландрея, Лайм. Он отвечает на документ, подписанный Джозефом Инджем, относительно дела 68-летнего Джеймса Найта. Настоящее положение дела таково, что Найту было 62 года, у него были жена и семья. Он зарабатывал кузнецом от 3 до 4 шиллингов в неделю. Семья зарабатывала от 15 до 16 шиллингов в неделю. Когда он умер, в его доме были хлеб и деньги».¹⁶

Как показывает документ, причиной решения рабочего уйти из жизни стал не биологический голод — повлияли на выбор Джеймса Найта опасения, связанные с культурной

оценкой его персоны, его страх негативного социального обсуждения через маркер голода, на который в допросе указывает сын. Неодобрение и унижение, социокультурная маргинализация при получении помощи, а также опасения оказаться помещенным в работный дом становятся негативными факторами, обусловившими экзистенциальный выбор рабочего. Неслучайно инспектор дополняет отчет листовками, ранее распространенными в округе и указывающими рабочим на относительно неплохие социально-бытовые условия и хорошее, по меркам 1830-х гг., качество питания в работном доме.

Сеть мировоззренческих категорий и аксиологических установок викторианцев продолжала представлять собой плотный фильтр допустимого и недопустимого поведения. Обращение за помощью, признание себя бедным, неспособным обеспечить семью было противоположно ценностям эпохи. И, не вписав себя и свои жизненные реалии в социально одобряемую идентичность, не желая при этом принимать осознаваемый быт как маркер своего статуса, викторианец мог выбирать девиантные практики как уход от той реальности, где стереотипно голод и недоедание были сопряжены с неприемлемым социальным образом и оценкой общественности. Признание себя бедным не было только актом определения своего экономического статуса — это было принятие на себя культурного образа, который был порицаем обществом и распространенной в нем идеологией. В этом случае голод как маркер бедности был постыден, его пытались скрыть, стремясь сохранить свое положение в обществе и образ личной идентификации.

Стигматизация обществом человека, помещенного в работный дом, в ряде случаев могла создавать конфликт в культурном ландшафте восприятия голода среди средних и элитарных классов. Так, если рабочий, имеющий хорошую общественную репутацию, вдруг оказывался в ситуации нужды — из-за болезни или закрытия предприятий, то в общественном восприятии он утрачивал образ «хорошего» трудолюбивого рабочего и приобретал образ «плохого», неработающего, порицаемого жителя трущоб. И если во второй половине XIX в. распространяются кассы взаимопомощи рабочих, кооперативы и профсоюзы, поддерживающие бедняков в периоды экономических кризисов, то в ранневикторианский период рабочая семья могла рассчитывать только на

¹⁶ [The National Archive] TNA MH 12/2095/158.

собственные сбережения и помощь родственников, сталкиваясь лицом к лицу с общественным осуждением, которое прежде активно поддерживало образцовую с точки зрения общественной морали семью.

Тем не менее, если было доказано, что рабочий оказался на социальном дне не по своей вине, то общественность становилась на сторону бедняка, оставшегося без работы, выступая в отдельных случаях даже против законодательства. К примеру, в начале 1848 г. было подано письмо в комиссию по делам бедных «относительно Джозефа Рукрофта, трудоспособного нищего, ведущего шахтера, с женой и шестью детьми из Аркенгартдейла». Рукрофт начал работать на предприятии, осуществлявшем пробные сделки, «которое вскоре разорилось, и семья рабочего начала недоедать. Поскольку он был трудоспособен, правление предприятия отказало ему в помощи и предложило работный дом, от которого Рукрофт отказался, заявив, что он попытается отложить подачу заявления еще на одну неделю и тогда найдет средства». Когда же он повторно подал заявление «в состоянии реальной нужды и голода», то совет одобрил денежную помощь в 12 шиллингов в неделю, что противоречило закону о бедных и вызвало обращение местных властей в парламентскую комиссию. Ответом центральных властей на это обращение стала следующая резолюция, оставленная на письме из работного дома: «...ослабить запретительный порядок в случае Рукрофта... пробные сделки фабрикантов обычное явление в этом районе... упорно трудящиеся шахтеры имеют хороший заработок, но иногда они попадают в крайнюю нужду, и вынуждены искать помощи».¹⁷ Таким образом, дело решается в пользу работоспособного рабочего, и, с позволения парламентской комиссии, региональные власти идут вразрез с законодательством, делая исключение. Концепт труда как ведущей мировоззренческой категории оказывался решающим в оценке рабочего общественным мнением, которое было способно в отдельных случаях понизить авторитет «права» как значимой ценности в понимании социальных процессов. Идея трудолюбия вызывала большой отклик и сочувствие в глазах общественности и присяжных по делам бедняков. Демонстрация связи голода и труда в позитивной коннотации трудолюбия рабочего

вызывала сочувствие общественности к судьбе рабочей семьи.

Распространение массового голода оценивалось как несостоятельность проводимой политики властей, политические радикалы призывали «избавить Мегатполис от сокрушительной бедности, избавить от ужасного национального позора англичан, умирающих от голода на наших улицах».¹⁸ Дж. С. Милль, один из самых влиятельных сторонников либерального движения XIX в., характеризовал голод как «провал управления»,¹⁹ при этом для викторианцев проблемы экономического и социального характера имели и культурный контекст, который должен был формировать прежде всего востребованные в либеральной доктрине качества личности. В частности, Милль подчеркивает: «...политика должна формироваться с пониманием того, что экономический и моральный миры составляют единую взаимосвязанную систему. Реформы в одной сфере практически бессмысленны без реформ в другой».²⁰ Борьба с голодом при этом воспринималась как защита страны, как движение «против смертей от пьянства и голода».²¹ Голод в восприятии викторианца был вписан в сетку мировоззренческих категорий и моральных ориентаций общества, в структурно-смысловую систему действующих социокультурных практик и, в частности, в сложившиеся паттерны повседневно-бытового поведения англичанина. Совершенствуясь на местах в вопросах быта и обеспечения, модель законодательства о бедных становилась по-настоящему рабочей только в рамках введения всего комплекса социального законодательства средневикторианского периода, позволившего во всей своей совокупности реализовать отдельно взятый закон в повседневной практике. Средневикторианская эпоха стала переходным трансформационным этапом от конфликтной ситуации 1830-х и 1840-х гг. с господством мальтузианской идеологии, слабым межклассовым диалогом и многоаспектным порицанием бедности до поздневикторианского периода с идеей движения к «всеобщему благоденствию» и консолидацией социальных групп.

Работный дом оставался основным инструментом решения проблемы крайней нищеты

¹⁸ Bee-Hive. 1869. Dec. 18.

¹⁹ Lebow R. N. John Stuart Mill on Ireland. Philadelphia, 1979. P. 8.

²⁰ Ibid. P. 9.

²¹ Sheffield Daily News и Morning Advertiser. 1859. Dec. 28.

¹⁷ TNA MH 12/14588/71.

и голода, но для пауперов он оставался скорее институтом устрашения за счет созданного негативного образа места, что в конечном счете делало работные дома малоэффективным средством борьбы с бедностью. В работные дома обращались не столько из-за крайней нужды, сколько в ситуации угрозы жизни, в том числе недоедания, чем объясняется действительно высокая смертность в работных домах от голода. Однако анализ журналов регистрации обратившихся за помощью показывает, что абсолютное большинство данных прецедентов происходило в первые часы или сутки²² после обращения в работный дом, когда врачам и персоналу уже не удавалось спасти бедняка. Местные власти могли издавать приказы развешивать в трущобах и близ приютов плакаты с подробным рационом работного дома с целью изменения его образа, данная практика была впервые применена в Сассексе с 1839 г.: «...приказываем и предписываем, чтобы каждый хозяин работного дома или работных домов округа вывесил две или более копий этого нашего приказа и указанного расписания питания, напечатанных разборчиво и крупным шрифтом, с размещением в самых людных общественных местах жизни бедняков и около работных домов, и время от времени обновлял их, чтобы они всегда оставались четкими и разборчивыми, исполнить необходимо под страхом наказания, предусмотренного Законом».²³ При этом к документу прикладывался отдельный утвержденный лист-образец,²⁴ который необходимо было использовать в графстве. В 1856 г. подобную практику рекомендует и собрание налогоплательщиков Ливерпуля, а затем и всего Ланкашира.

Общество осознает, что прежний концепт начала века о недоедании бедняка не смог стать должным мотиватором для пауперов к повышению своего уровня благосостояния. Это вынудило искать методы разрешения социального кризиса, реализовать которые можно было в условиях налаживания межклассового диалога. Стремление победить бедность, выступая как сила, консолидирующая общество, соединило в себе желание среднего класса оказать помощь и социальный запрос на помощь принимающего, но не требующего. Паупер во второй половине века

перестает ассоциироваться с преступником, в отчетных документах бедняков, находящихся в работных домах, могли называть «нищими», «бедными людьми», «страдающими людьми» и даже «постояльцами», тогда как еще в 1839 г. обращающиеся за помощью назывались «заключенными с правами бедных»,²⁵ а сами работные дома рассматривались представителями элитарных слоев как «пенитенциарные и благотворительные учреждения, направленные на изоляцию и принуждение или стимуляцию к труду нуждающихся, мелких преступников и нищих».²⁶ Викторианское общество второй половины XIX в. перестает считать бедность моральным преступлением паупера, что переносит проблему голода в ранг социально значимых для всего общества. Одновременно с этим через оказание помощи беднякам средние, элитарные классы и интеллигенция могли демонстрировать свою причастность к новой британской имперской идентичности.

Ситуация, в которой находились наиболее бедные слои рабочего населения, характеризовалась современниками как «полуголодание нашего промышленного населения»,²⁷ «состояние полуавтоматического голода».²⁸ Проблема недоедания в конце века еще сохранялась, как и связанные с ней страхи, однако острота конфликта спала. После проведенных социальных реформ в третьей четверти XIX в. меняется дискурс голода: само общество, прежде всего интеллигенция, стало готово находить и предлагать беднякам пути преодоления ситуации голода, разрабатывались рецепты для бедных и новые научные принципы экономной кулинарии.

Вместе с тем наличие в семье хлеба и готовность его заработать продолжали оставаться в восприятии самих бедняков критериями благонадежности рабочей семьи, тогда как помещение в работные дома и приюты для бедных оставались синонимами социального дна. В конце викторианского периода система помощи бедным, создавая более комфортные условия пребывания в работных домах, была направлена на то, чтобы разрушить на практике мировоззренческий стереотип «работный дом = голод». В поздневикторианский период опекуны приходят к идее,

²² TNA MH 12/11196/327.

²³ TNA MH 12/13077/327.

²⁴ TNA MH 12/13077/327 – 471 l/C.

²⁵ TNA MH 12/13077/327.

²⁶ Ibid.

²⁷ Bee-Hive. 1878. Nov. 9.

²⁸ Bee-Hive. 1878. Aug. 17.

что еда паупера должна быть достаточной, полезной и разнообразной. Однако для бедняков обращение в работный дом оставалось негативным маркером своей социальной идентичности. Зачастую именно культурно-мировоззренческая доминанта для викторианца оказывалась более значимой, чем реальные условия размещения. Как подчеркивает в своем исследовании С. В. Коноплева, «в психологическом отношении необходимость обратиться к администрации Закона о бедных всегда была связана с неловкостью и потерей независимости».²⁹ В 1890-х гг. среди парламентариев неоднократно возникало мнение, что система работных домов потерпела полное поражение. Начинали озвучиваться требования ее отмены. Проведя анализ причин слабой эффективности системы работных домов, англичане на рубеже веков столкнулись с противоречием между материальными возможностями помощи беднякам и культурно-смысловыми моделями, регулирующими психологические реакции и поведенческие практики нуждающихся в социальной помощи, которые продолжали служить ограничивающим ее механизмом. Общественный деятель, публицист и исследователь-современник организации быта пауперов А. Макдугал в рамках участия в работе королевской комиссии 1905–1909 гг. по изучению «Закона о бедных» резюмирует: пожилые люди «жили в ежедневном страхе, что в крайнем случае их пристанищем может стать работный дом, и этот страх сложнее развеять, нежели сам голод, холод от скудности одежды и бедность окружающей их обстановки».³⁰ Отчет королевской комиссии уделяет значительное внимание переживаниям и страхам людей почтенного возраста, их представлениям и ценностям, формирование которых происходило в полувековой ретроспективе от рассматриваемой в документе даты.

Учитывая параллельно идущий процесс снижения опасений вокруг страха голода и голодной смерти, можно предполагать, что межпоколенная генерация страха голодной смерти к началу века снижает свои темпы и социальная травма голода к началу XX в. уже не ощущается англичанами столь остро. Перера-

ботав в средневикторианский период антигуманный концепт избавления от «социальных излишков» периода популярности мальтузианской философии, викторианцы находились в поиске идейного оформления мер, ограничивающих количество бедняков. При этом, сплетаясь с моральными ориентирами эпохи, уровень реализации социокультурной практики переходит из плоскости управленческого и законодательного регулирования в усиление идеологического и морального воздействия, выражающегося в деятельности общественных организаций и движений, поддерживающих распространение новой социальной морали, которая, в свою очередь, подразумевала обновление «низовой» культуры и влияние на индивидуальный поведенческий выбор человека. В то же время законодательное поле и проводимые реформы должны были сделать зарождающиеся и уже действующие социальные лифты более понятными и доступными для бедняков, готовых принять новую социальную культуру.

Изменение положения голода как социокультурного явления в пространстве социального диалога формировало для общественного бессознательного эмоциональный разрыв поколений в вопросе интерпретации дихотомии «голод–изобилие». К началу XX в. старшие поколения бедняков продолжают находиться под влиянием социальной травмы их отвержения и стигматизации социумом, продолжают отказываться принимать помощь через работный дом. Напротив, среди молодых людей и лиц среднего возраста все меньше приверженцев самостигматизирования в контексте обращения за помощью в случае нужды и голода. Разнонаправленные векторы концептуализации и интериоризации взаимосвязей внутри феноменологической триады «еда — труд — голод» у разных поколений викторианцев способствовали сначала обсуждению и созданию, а затем и постепенному внедрению системы пособий и пенсий по возрасту взамен системы работных домов. С другой стороны, опыт коллективной памяти и успешность внедрения системы денежных выплат к моменту начала старения поколения, рожденного в пореформенные 1870–1880-е гг., приводят к общей отмене системы работных домов, последний из которых был закрыт в 1941 г.

Таким образом, в анализе восприятия голода и бедности в викторианской Англии социо-

²⁹ Коноплева С. В. Либеральные реформы 1908–1911 гг. в Великобритании в оценках современников: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2014. С. 59.

³⁰ The Minority Report of the Royal Commission on the Poor Law Reform and Relief for Distress. London, 1909. P. 109.

культурный и ценностно-мировоззренческие компоненты оказываются доминирующими, а ценности культуры выступают поведенчески-

ми императивами в оценке естественно-биологических явлений, отраженных в социальном пространстве.

Lorina P. Repina

Member of the RAS, Institute of World History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: lorinarepina@yandex.ru

Anastasia K. Shabunina

Candidate of Historical Sciences, Institute of World History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: shabunina@bk.ru

TRANSDISCIPLINARITY IN THE STUDY OF SOCIOCULTURAL PRACTICES
OF EVERYDAY LIFE (ON THE EXAMPLE OF THE PHENOMENON
OF FAMINE IN VICTORIAN ENGLAND)

The study of the role of sociocultural practices in the everyday life of society involves the synthesis of methodological approaches in order to create a transdisciplinary research model. Analysis of various aspects of private life in the context of studying socio-cultural practices requires an analysis of the value categories of the society under study, taking account of worldview interpretations of phenomena by contemporaries, cultural attraction, individual self-identification and psychological perception of ongoing processes. The phenomenon of the Victorian famine is not meant to be studied only as a strictly biological phenomenon. The article interprets hunger as a sociocultural phenomenon, considers the associated fear of social stigmatization. The famine in the early Victorian period acts as a factor in the conceptual context of ongoing social phenomena, influencing the reception of cultural ties within society. The categories of “food”, “hunger” and “starvation death” were everyday companions of the public discourse of the era, reflecting the crisis state of Victorian society. Not only was the famine a factor that increased the potential for conflict, as it was perceived in the middle of the century, but by the end of the 19th century it began to be recognized by the authorities as a consequence of social contradictions and acted as an argument for the introduction and continuation of legislatively supported forms of social compromise. Having reworked the inhumane concept of getting rid of “social surpluses” of the period of popularity of Malthusian philosophy in the Middle Victorian period, the Victorians change the topology of the “hunger” concept in the system of structural and semantic models of social dialogue. The sociocultural phenomenon of famine is transformed in the communicative space of the Victorian era from a marker of condemned poverty into a social problem that unites various social groups.

Keywords: *transdisciplinarity, sociocultural practices, famine, starvation death, poverty, history of everyday life, social history, history of England*

REFERENCES

- Barrell J. *Sportive labour: The farmworker in eighteenth-century poetry and painting*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. (in English).
- Foucault M. *Slova i veschi. Arheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things. An archaeology of the human sciences]. Saint Petersburg: A-cad Publ., 1994. (in Russ.).
- Frese M. Cultural Practices, Norms, and Values. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2015, vol. 46, iss. 10, pp. 1327–1330. DOI: 10.1177/0022022115600267 (in English).
- Griffin C. J. *The Politics of Hunger: Protest, Poverty and Policy in England, c. 1750 – c. 1840*. Manchester: Manchester University Press, 2020. (in English).
- Konopleva S. V. *Liberalnye reformy 1908–1911 gg. v Velikobritanii v ocnkah sovremennikov: kand. diss.* [Liberal reforms of 1908–1911 in Great Britain in the estimates of contemporaries: Diss. Cand.]. Moscow, 2014. (in Russ.).
- Lebow R. N. *John Stuart Mill on Ireland*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues, 1979. (in English).

Repina L. P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical Science at the turn of the 20th–21st centuries: Social Theories and Historiographical Practice]. Moscow: Krug Publ., 2011. (in Russ.).

Thompson E. P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century. *Past & Present*, 1971, vol. 50, iss. 1, pp. 76–136. DOI: 10.1093/past/50.1.76 (in English).

Для цитирования: Репина Л. П., Шабунина А. К. Трансдисциплинарность в изучении социокультурных практик повседневности (на примере феномена голода в Викторианской Англии) // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 34–44. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-34-44.

For citation: Repina L. P., Shabunina A. K. Transdisciplinarity in the study of sociocultural practices of everyday life (on the example of the phenomenon of famine in Victorian England) // Ural Historical Journal, 2022, no. 3 (76), pp. 34–44. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-34-44.